

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Мэй Цзяцзя

**Образ Китая
в русской литературе XVIII — первой половины XIX века:
идеология, поэтика, контекст**

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель:

Беляева Ирина Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Алпатова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, доцент,
Государственный университет просвещения,
факультет русской филологии, кафедра
русской и зарубежной литературы, профессор

Кулагина Ольга Львовна,
доктор филологических наук,
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова, факультет
журналистики, кафедра литературно-
художественной критики и публицистики,
старший научный сотрудник

Сенина Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации, факультет международных
отношений, кафедра китайского,
вьетнамского, бирманского, тайского,
лаосского и кхмерского языков, доцент

Защита диссертации состоится «08» октября 2026 года в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет, ауд. 11.
E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4046>

Автореферат разослан " ____ " _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

Общая характеристика работы

Китай уже в XVIII веке представляется в литературе других стран как великая и загадочная страна. Китай вызывает интерес и восхищение, но порой остается загадкой, поражая своей самобытной культурой. В настоящее время интерес к большой теме «Китай в восприятии другой культуры» только усиливается.

Самое раннее описание Китая и китайцев в зарубежной литературе можно найти уже в XVII веке (например, в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло), но история исследования образа Китая началась лишь в конце XX века. В России первые работы, посвященные восприятию Китая в русской словесности, появились в конце 1980-х годов¹. В Китае эта проблема также была поднята в 1980-е годы, но стояла шире и касалась рецепции Китая в зарубежной литературе в целом². Интерес к русскому взгляду на Китай активизировался после 2000 года³.

Степень научной разработанности темы. В начале XXI века появляются новые работы по исследованию образа Китая. Это обзоры, очерки, научные статьи, диссертации, спецкурсы и монографии. Среди них — работы, в которых образ Китая предстает в многогранных представлениях различных групп людей⁴, раскрывается история взаимовосприятия в определенные исторические эпохи или преломляется сквозь призму творчества отдельных

¹ См.: Запоев Т.Ю. Символический образ Китая в творчестве В.Г. Белинского // Дальний Восток и Центральная Азия: сб. науч. ст. М.: Наука, 1985. С. 148-155.; Голыгина К.Б. Образ Китая в русской и советской литературе // Теоретические проблемы изучения литератур Востока, 1987. № 1. С. 208-216.

² Например: Юань Мин. К проблеме образа Китая в США: взгляды американской элиты к Китаю// Американские исследования, 1989. № (01). С. 37-51+6. [袁明.略论中国在美国的形象——兼议“精英舆论”//美国研究, 1989. №(01). С. 37-51+6.]

³ Например: Ван Цзечжи, Чэнь Цзяньхуа. Дальние отзвуки — русские писатели и китайская культура. Иньчуань: Нинсяский народ, 2002. 406 с. [汪介之.陈建华.悠远的回响.银川:宁夏人民出版社, 2002. 406 с.]

⁴ Например, были работы, посвященные образу Китая во впечатлениях дальневосточников, забайкальцев, миссионеров, ученых, образованного общества, студентов и т. д.

писателей⁵. В настоящее время существует немало работ, где представлено обобщение разнородных данных по тем или иным историческим периодам и локациям. Здесь можно назвать исследования, относящиеся к наукам историческим (труды А.В. Лукина⁶, Ю.Г. Благодар⁷, Е.С. Цисельской⁸), филологическим (труды О.В. Бузмаковой⁹, Е.В. Сениной¹⁰, О.Н. Сорокина¹¹, Чжана Исяня¹², Вэй Мэньина¹³), культурологическим (труды Цуй Юна¹⁴), философским (труд В.И. Исаченко¹⁵). Кроме того, в начале XXI века в Китае уже появились книги на подобные темы: совместное сочинение «Дальние отзвуки — русские писатели и китайская культура»¹⁶ (кит. «悠远的回响»; 2002), представляющее собой наиболее раннее сочинение, в котором перечислены культурные контакты русских писателей с китайской культурой с древнейших

⁵ Тема разработана на материале творчества таких писателей и мыслителей, как А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, Екатерина II, И.А. Гончаров, М.В. Ломоносов и др.

⁶ См.: Лукин А.В. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения: XVIII - XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 520 с.

⁷ См.: Благодар Ю.Г. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII - начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 284 с.

⁸ См.: Цисельская Е.С. Формирование и трансформация образа Китая в Европе (середина XIII - конец XVIII вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 199 с.

⁹ См.: Бузмакова О.В. Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... канд. филос. наук, Благовещенск, 2008, 186 с.

¹⁰ См.: Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск. 2018, 246 с.

¹¹ См.: Сорокин О.Н. Языковая реализация образа Китая как информационной модели в средствах массовой информации США: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 201 с.

¹² См.: Чжан Исянь. Образ Китая в русской литературе конца XX - начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 175 с.

¹³ См.: Вэй Мэньин. Образ Китая в современной русской литературе: дис. ... кандидата филологических наук, Харбин, 2020. 260 с. [魏梦莹.新时期俄罗斯文学中的中国形象:博士学位论文,哈尔滨,2020.260 с.]

¹⁴ См.: Цуй Юн. Образы Китая и России в межкультурной коммуникации: дис. ... кандидата культурологии, Комсомольск-на-Амуре, 2011, 127 с.

¹⁵ См.: Исаченко В.И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX - начале XX вв. (философско-религиоведческий анализ): дис. ... кандидата философских наук. Благовещенск., 2005. 189 с.

¹⁶ См.: Ван Цзечжи, Чэнь Цзяньхуа. Дальние отзвуки — русские писатели и китайская культура. Иньчуань: Нинсяский народ, 2002. 406 с. [汪介之.陈建华.悠远的回响.银川:宁夏人民出版社, 2002. 406 с.]

времен до XXI века; совместная работа «Образ Китая в России»¹⁷ (кит. «俄罗斯的中国形象»; 2010), — обобщенная работа об образе Китая в России, в которой анализируется восприятие образа Китая русскими мыслителями (например, В.С. Соловьевым, Н.Я. Данилевским, С.М. Георгиевским); монография «Тень дракона туманная — китайская культура в России»¹⁸ (кит. «龙影朦胧 — 中国文化在俄罗斯»; 2018), в которой рассматриваются истоки распространения китайской культуры в России сквозь призму синологических изысканий.

Таким образом, в настоящее время имеется ряд исследований, посвященных восприятию Китая в русской культуре. Однако эти работы, как правило, выходят за рамки филологического подхода, затрагивая преимущественно исторические, историко-политические, философские и культурологические аспекты. Кроме того, образ Поднебесной часто рассматривается изолированно, в контексте творчества отдельных русских писателей, либо же исследование ограничивается хронологическими рамками, охватывающими период после XIX века. Обобщающих исследований в рамках изучаемого периода нет, что и определяет *актуальность* настоящего диссертационного сочинения.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с XVIII до середины XIX века, то есть с начала эпохи классицизма до обращения русской романтической литературы к образу Китая в утопическом ключе. Границей нашего периода служит «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова — книга, в которой значительное место занимает Китай, увиденный автором непосредственно. Выбор верхней границы нашего периода обусловлен также тем, что к середине XIX века Китайская империя пережила первую Опиумную войну, которая стала началом длительного периода ослабления государства;

¹⁷ См.: Сунь Фан, Чэнь Цзиньпэн. Образ Китая в России. Пекин: Народ, 2010. 268 с. [孙芳.«俄罗斯的中国形象».北京:人民出版社,2010. 268 с.]

¹⁸ См.: Лю Ядин. «Тень дракона туманная — китайская культура в России». Пекин: Пекинский университет, 2018. 299 с. [刘亚丁.«龙影朦胧 — 中国文化在俄罗斯».北京:北京大学出版社,2018. 299 с.]

статус Китайской империи на мировой арене резко упал, и, соответственно, характер восприятия государства также резко изменился. Очерки Гончарова «Фрегат “Паллада”» были написаны после 1852 года, уже после возвращения писателя из кругосветного путешествия. Первая полная публикация книги состоялась только в 1858 году, но мы включили это произведение в рамки рассматриваемого периода, поскольку представление о Китае у автора «Фрегата “Паллада”» во многом питается литературными представлениями, сформированными еще до поездки, но дополняется, конечно, личными впечатлениями о Китае и китайцах. Кроме того, Гончаров, один из первых русских писателей, ступивших на китайскую землю, привез с собой не просто впечатления, но и глубокий взгляд на реалии далекой империи. Его суждения, отточенные путешествием, обретают особое значение для нашего исследования, а его книга, ставшая квинтэссенцией этого опыта, венчает собой целую эпоху — время, когда Россия черпала сведения о Китае из вторых рук, подобно тому, как мутная вода отражает далекий свет.

Целью диссертационной работы является определение специфики художественной репрезентации и поэтики образа Китая в русской литературе XVIII — первой половины XIX века, выявление возможных культурно-исторических причин его формирования и динамики изменений, а также индивидуальных авторских коннотаций.

В **задачи** исследования входит:

1) Систематизация ранней истории русско-китайских отношений в историко-культурном и литературном контекстах.

2) Выявление ключевых тенденций, включая стереотипные представления, которые определили характер образа Китая в произведениях русских писателей эпохи классицизма и европейской вестернизации (А.Д.Кантемир, М.В.Ломоносов, В.К.Тредиаковский, А.П.Сумароков, Г.Р.Державин, а также Екатерина II и Н.И.Новиков).

3) Определение специфики и причин трансформации, которые становятся характерны для художественной репрезентации образа Китая, китайских мотивов и реалий, в произведениях писателей эпохи романтизма и реализма (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, И.А. Гончаров, на примере «Фрегата “Паллада”»).

4) Выявление значения образа Китая как явления «другой» культуры (на уровне изображения государственности, философии, искусства, бытового поведения разных социальных слоев и др.) в рамках индивидуально-авторских задач в русской литературе XVIII — первой половины XIX века, с целью выявления динамики изменений в репрезентации Китая.

Предметом исследования выступают поэтика и художественная семантика образа Китая в ее жанрово-стилевой эволюции: от риторических условностей классицизма к становлению реалистических принципов изображения в русской литературе XVIII — первой половины XIX века, и сравнительный анализ поэтики, функций и эволюции образа Китая в русской литературе XVIII — первой половины XIX века в сопоставлении с западноевропейскими литературными традициями, направленными на выявление национальной специфики русской рецепции.

Объектом исследования является русская литература XVIII — первой половины XIX века (от петровской эпохи до эпохи натуральной школы и творчества Гончарова): художественные тексты (поэзия, проза, драматургия, путевые записки), критические статьи, публицистика и переписка писателей этого периода, где присутствуют упоминания или описания Китая и китайцев.

Материалом исследования послужил корпус художественных текстов (поэзия, проза, драматургия, путевые записки), критические статьи, публицистика и переписка русских писателей XVIII — первой половины XIX в. (от А. Д. Кантемира до И. А. Гончарова), в которых Китай репрезентирован как тоpos, метафора или объект стилизации. В работе учтены труды по истории

китайско-русских отношений указанного периода и классические работы русских китаеведов (И. Россохина, И. Бичурина и др.), повлиявшие на формирование авторских концепций и литературную рецепцию.

Теоретико-методологической основой нашего исследования выступают работы ведущих русских компаративистов (А. Н. Веселовского¹⁹, В. М. Жирмунского²⁰, И.О. Шайтанова²¹, Б.Г. Реизова²²) и имагологов (Д.-А. Пажо²³, Ж.-М. Мура²⁴, Мэн Хуа²⁵). В работе использованы методы: культурно-исторический, сравнительно-исторический, структурно-типологический и метод мотивного анализа. Тем не менее, мы учитываем и методологию кросс-культурного трансфера, которая позволяет нам более объемно взглянуть на картину взаимосвязей двух культур.

Теоретическая значимость работы состоит, прежде всего в комплексном подходе к материалу исследования, когда образ «другого» в произведениях русской литературы значительного по времени исторического периода рассматривается в междисциплинарном ключе.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты, расширяющие представления об образе Китая в произведениях русской литературы XVIII — первой половины XIX века, могут быть

¹⁹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2011. 687 с.

²⁰ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 496 с.

²¹ Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика, 2009. № 1–2 (1–2). С. 99–108.

²² Реизов Б.Г. Сравнительное изучение литературы // История и теория литературы. Л.: Наука, 1986. С. 276–309.

²³ Пажо Д.-А. Образ // Имагология сравнительного литературоведения / [Мэн, Х. (Ред.)]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2001. С. 153–184. [达尼埃尔-亨利·巴柔.形象//比较文学形象学./孟华(编).北京:北京大学出版社,2001. С. 153–184.]

²⁴ Мура Ж.-М. Об истории исследования и методологии имагологии. // Имагология сравнительного литературоведения. / [Мэн, Х. (Ред.)]. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2001. С. 17–40. [让-马克·莫哈.试论文学形象学的研究史及方法论//比较文学形象学./孟华(编).北京:北京大学出版社,2001. С. 17–40.]

²⁵ Мэн Х. Имагология сравнительного литературоведения. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2001. 282 с. [孟华.比较文学形象学.北京:北京大学出版社,2001. 282 с.]

использованы при проведении спецкурсов и спецсеминаров по истории русской литературы, русско-китайским культурным и литературным взаимосвязям, а также при составлении учебных и учебно-методических пособий для студентов-филологов.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется системным подходом к рассмотрению взаимосвязей двух культур, привлечением широкого круга источников, которые подвергаются критическому осмыслению, и использованием методологических инструментов отечественной и зарубежной компаративистики.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе образа Китая в русской литературе XVIII — первой половины XIX века и в выявлении его динамики в зависимости от степени внешних, в том числе западноевропейских, влияний, непосредственных культурных контактов и авторских задач в рамках литературных направлений и индивидуальных авторских позиций и идейных установок изучаемых писателей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первые культурно-исторические контакты двух цивилизаций, России и Китая, запечатленные в письменных источниках (например, «Хождение за три моря» 1466–1472), могут служить исходной точкой изучения того, как начал складываться в русской словесности образ Китая. На его формирование также оказали влияния сведения, полученные благодаря деятельности священников, миссионеров, купцов и путешественников, способствовавших и развитию русской синологии (И.К. Россохин, А.Л. Леонтьев, Н.Я. Бичурин и другие).
2. Европейское знание о Китае, его жителях и культуре послужило еще одним источником восприятия Китая русскими. Одним из самых известных общественных направлений мысли является шинуазри, господствовавшее в Европе почти два столетия. Вестернизация русского

общества XVIII века и увлечение распространившейся на Западе модой на все китайское сформировали в русской литературной традиции потребность прибегать к условному образу Китая, который играл символическую роль в культурных, исторических и литературных дискуссиях («Китайский сирота» 1788).

3. Поэтика образа Китая в литературе XVIII века изначально зависела от европейской традиции. Китай представлялся страной загадочной, экзотической (от описания природы до описания предметов быта), мудрой (А.Д. Кантемир «Об истинном блаженстве» 1738; М.В.Ломоносов «Письмо о пользе стекла» 1752), был символом самобытности, отменного вкуса знати (А.Д. Кантемир «На зависть и гордость дворян злонаправленных» 1729) и синонимом роскоши (Г.Р. Державин «К первому соседу» 1780). В екатерининскую эпоху в образе Китая отразились представления об идеальном государстве, которым управляет мудрый правитель (А.Л. Леонтьев «Чензыя, китайского философа, совет, данной его государю» 1770; «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну», 1770).
4. Образ Китая в России в XVIII дополняется и новыми деталями и красками. Изначально стереотипный образ этой страны постепенно конкретизируется в зависимости от реальных связей и контактов, которые возникали между двумя странами в политической и экономической сферах. По сравнению с европейскими, представления русских о Китае и китайцах в XVIII веке все более мотивировались собственными ожиданиями от взаимных отношений и оттого становились более характерными и реальными. В эпоху классицизма (М.В.Ломоносов, В.К.Тредиаковский и А.П.Сумароков) весомость далекого Китая подчеркивается тем, что она хорошо известна в России.
5. Интерпретация китайских сюжетов в первой половине XIX века постепенно избавлялась от условности, характерной в целом для эпохи классицизма. Слегка преувеличенные политические или чисто

географические интерпретации почти ушли в прошлое. В XIX веке образ Китая становится индивидуально более осмысленным и прочувствованным, что обусловлено личными контактами писателей с людьми, побывавшими в Китае (А.С. Пушкин и Н.Я. Бичурин), или личным посещением Китая (И.А. Гончаров). Китай входит в область собственных интересов русских писателей: педагогических — у В.А. Жуковского и В.Ф. Одоевского, исторических и кросскультурных — у И.А. Гончарова. Вместе с тем Жуковский делает акцент на Китае как древней цивилизации, Одоевского интересуют утопические контексты («4338-й год: Петербургские письма» 1835), а у Гончарова («Фрегат “Паллада”» 1855–1858) формируется самодостаточный и реалистически достоверный образ Китая.

6. Образы жителей Китая в русской литературе на протяжении XVIII — первой половины XIX века трансформируются от общего представления и описания к более конкретному (прически и одежда, темперамент, быт и т.д.). В сочинениях XVIII века наиболее заметными являются образы императора (М.В.Ломоносов «Ода Всепресветлейшей Державнейшей...» 1764) и чиновников (Г.Р.Державин «Похвала комару» 1807), но в XIX веке, особенно у И.А. Гончарова, в социальном и гендерном плане персонажи становятся разнообразнее, это не только вельможи, но и женщины, торговцы, ремесленники — живые люди с индивидуальным и характерным рисунком.

Диссертация **прошла апробацию** на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова при защите научно-квалификационной работы (НКР) по той же теме. Результаты данного исследования были представлены в научных докладах на следующих конференциях:

1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (тема доклада: «Китай в произведениях князя А.Д. Кантемира») (11 апреля 2019);
2. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» (тема доклада: «Китай в интерпретации Г.Р. Державина») (15 апреля 2021);
3. Всекитайский научный форум магистрантов и аспирантов по русскому языку и культуре²⁶) (тема доклада: «Китай в русской литературе первой половины XVIII века») (9 мая 2021).

Основные результаты работы изложены в 4 печатных работах, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Структура работы. Работа (объемом 203 страниц) состоит из введения, заключения, трех глав и библиографического списка, включающего 250 позиций.

Основное содержание работы

Во **Введении** определены цель и задачи, предмет и объект исследования, обоснована актуальность выбранной темы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, научная новизна, описана степень изученности темы, названы теоретическая и практическая значимость исследования, представлены сведения об апробации работы, а также указана структура диссертации. Подробно разобраны основные теоретико-методологические подходы.

В **первой главе «Ранняя история русско-китайских отношений в историко-культурном и литературном контекстах»** представлена краткая история знакомства России с Китаем и китайской культурой в ранние времена, до XVIII века, а также выявлены источники русского понимания Китая и его жителей.

²⁶ «全国高校俄语专业硕博论坛»(北京, 2021 年 5 月 9 日)

В параграфе 1.1. «От летописей до “Статейного списка” Ф.И. Байкова и “Ведомости о Китайской земле” П.И. Годунова» систематизируются первые сведения о Китае, который именовался как «Китай», «Хина», «Поднебесная», «Срединное государство» или «Срединная империя». Слово «Китай» встречается в русских летописях, самое раннее его упоминание относится к концу XIV века²⁷. В течение нескольких столетий Россия и Китай неоднократно пытались установить прямые связи, некоторые из них были удачными, другие — неудачными. В ранних контактах между Китаем и Россией важную роль играли монголы и другие степные кочевники, функционировавшие как посредники, и именно при господстве монголов на огромных территориях Азии состоялось знакомство русских и китайцев²⁸. С XVII века русские получали сведения о Китае и китайцах из различных источников, «от племен монголов и джунгар, с которыми поддерживались непосредственные отношения, из официальных отчетов первых миссий в Китай и записок некоторых их участников, направленных как из Москвы, так и местными сибирскими властями»²⁹. Русская синология развивалась в контексте историко-политических контактов с Китаем и стала одним из важных культурных контекстов для распространения китайской культуры в России, что выгодно отличает Россию от многих других западных стран.

В параграфе 1.2. «Образ Китая в процессе вестернизации России» представлен иной канал восприятия русскими Китая, китайцев и китайской культуры. Знания русских о Китае и китайцах на раннем этапе были тесно связаны с европейскими работами по китайской тематике³⁰. В эпоху позднего

²⁷ См.: Усов В.Н. Встреча двух цивилизаций // Дельфис. 2002. № 1. Режим доступа: <http://www.delphis.ru/journal/article/vstrecha-dvukh-tsivilizatsii> (дата обращения: 20.09.2023).

²⁸ См.: Мясников В.С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1. С. 20-39.

²⁹ См.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII – XXI веках. М.: АСТ; Восток—Запад, 2007. С. 36.

³⁰ См.: Янь Годун. Знания европейских источников о Китае для русских в XVIII веке. // Общественные науки зарубежных стран 2011. № 4. С. 63. [阎国栋.18 世纪俄国中国知识的欧洲来源. // 国外社会科学, 2011. № 4. С. 63.]

Средневековья Китай оставался для европейцев загадочным, далеким и необъятным³¹, представлял собой символ богатства и монархии³². Огромную роль в познании европейцами Китая сыграла эпоха великих географических открытий XVI — XVII веков. С XVI века Китай вызывал восхищение как одна из самых древних культур — аккуратностью социального порядка, способностью правителей управлять государством, дружелюбием, энтузиазмом, умом и вежливостью китайского народа. Появились произведения, в которых говорилось о величии и процветании китайской цивилизации. Произведения миссионеров и записки европейцев о Китае, труды мыслителей эпохи Просвещения³³ также оказали влияние на ранние представления европейцев о Китае и китайцах. К XVII веку впечатление европейцев о Китае варьируется от подчеркивания богатства и системы монархии до сосредоточения на уважение системных нравственных ценностей китайской философии³⁴. К середине XVII

³¹ См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. С. Н. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社,2006. С. 2(G).]

³² См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. С. 5. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社,2006. С. 5.]

³³ «Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, enrichie des cartes générales et particulieres de ces pays, de la carte générale et des cartes particulieres du Thibet, & de la Corée; & ornée d'un grand nombre de figures & de vignettes gravées en tailedouce» (кит. «中华帝国全志»; 1735; Jean-Baptiste Du Halde, кит. 杜赫德); «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages, etc. des Chinois» (кит. «北京传教士关于中国人史,科学,艺术,习俗论丛» / «中国论丛»; 1776); «A voyage round the world» (кит. «环球航海记»; 1748; George Anson); «A Narrative of the British Embassy to China, in the Years 1792, 1793 and 1794: Containing the Various Circumstances of the Embassy, with Accounts of Customs and Manners of the Chinese, and a Description of the Country, Towns, Cities, &c.» (Aeneas Anderson, 1795; рус. «Повесть о британском посольстве в Китай в годы 1792, 1793 и 1794: содержит различные обстоятельства посольства с описанием китайских обычаев и манер, описанием страны, ее городов и т. д»; кит. «英使访华录»); «Китайский сирота» (Вольтер; 1735), «Essai sur les mœurs et l'esprit des nations» («Опыт о нравах и духе народов и основных исторических фактах от Карла Великого до Людовика XIII»; Вольтер; 1756), «Novissima Sinica historiam nostri temporis illustratura» («Новости из Китая», Г.В. Лейбниц; 1697), «Китайские, японские, сиамские, тонкинские и прочие анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычаи и религии сих различных Азийских народов» (1791) и др..

³⁴ См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. С. 156. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社,2006. С. 156.]

века в Европе образ Китая постепенно стал ассоциироваться с конфуцианской философией. Стремление европейцев к Востоку и практические поиски также стимулировали распространение информации о Китае, которую можно найти в произведениях ранних священников³⁵, купцов и путешественников³⁶. Многовековая история общения между Китаем и Западной Европой способствовала возникновению моды на все китайское (шинуазри, фр. Chinoiserie), что служило одним из контекстов для восприятия Китая в России. Образ Китая в русской традиции складывался не непосредственно под европейским влиянием, а скорее под влиянием представлений, опосредованных европейской культурой, как образ экзотической страны, обладающей неповторимым стилем. При описании культурных, исторических и литературных дискуссий, возникавших в результате прямых контактов между Китаем и Россией, он нередко фигурировал как образ не условного, а реального «другого» мира.

Вторая глава «Формирование образа Китая в процессе вестернизации» посвящена интерпретации образов Китая в сочинениях А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, и Екатерины II.

В параграфе 2.1. «Представления о Китае в произведениях князя А.Д. Кантемира» рассмотрены интерес Кантемира к Востоку, и в частности к Китаю, и его восприятие китайских реалий. Мотивы китайской мудрости появляются в произведениях Кантемира. В сатире «Об истинном блаженстве»

³⁵ Среди них известные, например, Алессандро Валиньяно (кит. 范礼安, 1539-1606), Микеле Руджери (кит. 罗明坚, 1543-1607), Маттео Риччи (кит. 利玛窦, 1552-1610), Адам Шалль фон Белль (кит. 汤若望, 1592-1666), Фердинанд Вербист (кит. 南怀仁, 1623-1688) и другие.

³⁶ «Путешествие сэра Джона Мандевилья» (1357-1371) [Джон Мандевиль, английский писатель (англ. John Mandeville; 1300 - 1372)], «Путешествие Марко Поло» (1298-1299) [Марко Поло, венецианский купец и путешественник (итал. Marco Polo; 1254-1324)], и «Путешествие на Дальний Восток Одорико Порденоне» [Францисканец (Odoric of Pordenone; 1286-1331), признанный блаженным, один из самых знаменитых путешественников средневековья, посетивший Индию, Суматру и Китай]». См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. 862 с. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社, 2006. С. 1.

(1738) «китайский ум» упоминается с уважением и восхищением, но с определениями «дикий»³⁷ и «странный»³⁸ («Искусство само твой дом создало пространный, // Где все, что Италия, Франция и странный // Китайск ум произвели, зрящих удивляет»³⁹). Китайский ум упоминается поэтом как «один из источников великих достижений человечества в области культуры и искусства»⁴⁰. Чай с Востока в произведении «На зависть и гордость дворян злонравных» (1738) символизировал самобытность и отменный вкус знати: «Зевнул, растворил глаза, выпался до воли, // Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая // Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая»⁴¹. Кантемир перевел и опубликовал в 1730 году французскую научно-популярную книгу «Разговоры о множестве миров» (1686)⁴², в которой Китай считался непонятной страной. Аналогичный смысл отражается в произведении Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных» (1729): «Как войско расположить, как раскопать шанцы, // Столь дико тебе, как нам — китайские танцы»⁴³. Китай предстает в образе далекого, труднодостижимого края, это даже «край света» в сатире «О различии страстей человеческих» (1762): «Когда в чем барыш достать надежда какая, // И саму жизнь не щадит. Недавно с Китая, // С край света прибыв, тотчас в другой уж край света // Сбирается, несмотря ни на свои лета, // Ни на злобу воздуха в осеннюю пору»⁴⁴. Китайская культура в эпоху Кантемира воспринималась ограниченно, однако слово «Китай» уже было

³⁷ Цао Сюэмэй, Дефье О.В. Образ и мотивы “китайского ума” в произведениях русских писателей XVIII века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 112.

³⁸ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / [Вступ. статья Ф. Я. Приймы]; [Подготовка текста и примеч. З.И. Гершковича]. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. С. 149.

³⁹ Там же. С. 149.

⁴⁰ Цао Сюэмэй, Дефье О.В. Образ и мотивы “китайского ума” в произведениях русских писателей XVIII века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 112.

⁴¹ Кантемир А. Д. Собрание стихотворений / [Вступ. статья Ф. Я. Приймы]; [Подготовка текста и примеч. З. И. Гершковича]. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. С. 71.

⁴² См.: Фонтенель Б.Л.Б. Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря / [С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году]. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1740. С. 103.

⁴³ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / [Вступ. статья Ф. Я. Приймы]; [Подготовка текста и примеч. З. И. Гершковича]. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. С. 373.

⁴⁴ Там же. С. 89.

знакомым. В творчестве князя Кантемира отражается ранний этап открытия Китая русскими, которое происходит через посредничество европейской интеллектуальной культуры и моды.

В параграфе 2.2. «Восприятие Китая в сочинениях М.В. Ломоносова» проанализирован интерес М.В. Ломоносова к Китаю и китайской культуре, и реконструирован образ Китая в его произведениях. Он восхищался умом и изобретательностью китайцев, китайскими технологиями ремесленного производства. В «Письме о пользе стекла» (1752) Ломоносов отмечает искусность китайцев в производстве фарфора: «Хоть вместо онаго замысловаты Хины // Сосуды составлять нашли из чистой глины, // Огромность тяжкую плода лишенных гор // Художеством своим преобрав в Фарфор. // Красой его к себе народы привлекают, // Что, плавая, морей свирепость презирают»⁴⁵. В его ранних произведениях Китай воспринимается как далекая граница известности России, что отражает имперскую геополитическую позицию («Ода на взятие Хотина», 1739; «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»). У Ломоносова образ Китая определялся факторами политики и торговли и создается обобщенный образ китайца: например, в оде, посвященной императрице Екатерине II в 1764 году это образ китайского императора, «напыщенного исполина», который «Сидит и чаёт, что земную // Рукою держит власть един»⁴⁶. Итак, у Ломоносова сочетается два влияния — западного представления о Китае и политических и торговых отношений между Китаем и Россией. Поэтому можно говорить, что в эпоху Ломоносова в русской литературе начало складываться собственное представление о Китае.

В параграфе 2.3. «Китайская тема в произведениях В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова» рассмотрены китайские реалии в произведениях Сумарокова и Тредиаковского. Сумароков известен не только

⁴⁵ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 8. С. 511.

⁴⁶ Там же. С. 797.

как поэт и драматург, но и как театральный деятель, который первым познакомил русское общество с китайской юаньской оперой «Китайский сирота» (кит. «中国孤儿»), что, вероятно, было сделано под влиянием моды на всё китайское. Одновременно Китай представлен у него как далекая граница известности России: «К нам дары несут немалы, // Контайшинцы и Мунгалы, // Хинская стена дрожит: // Тамо меч Россійский блещет. // Ужасенный Хин трепещет, // И в Пекин от стен бежит»⁴⁷. Это можно рассматривать как продолжение ломоносовской традиции. В схожем ключе пишет о Китае Тредиаковский о «Хинских пределах»⁴⁸. В таких случаях образ империи Цин приобретал коннотации «вассального государства».

В параграфе 2.4. «Китай в интерпретации Г.Р. Державина» особое внимание уделяется разнообразной метафорике Державина, связанной с образом Китая. Поэт восхваляет китайскую мудрость, ценит Китай как страну с древними традициями воспитания нравственности. В его творчестве мы находим традиционную китайскую экзотику, с указанием на изысканный фарфор и архитектуру, садово-парковое искусство и интерьер, как необходимые элементы шинуазри в стихотворении «К первому соседу» (1780): «В шатрах персидских златошвенных, // Из глин китайских драгоценных, // Из венских чистых хрусталей, // Кого толь славно угощаешь, // И для кого ты расточаешь // Сокровищи казны твоей?»⁴⁹. И любовь знатных и богатых сановников к вещам китайского вкуса еще более ясна в изображении

⁴⁷ «Изъ Амура Россъ выходитъ, // Росскія суда выводитъ, // И къ Нифону править путь: // Бури моря не терзаютъ, // Сильны вѣтры не дерзаютъ, // Въ паруса противу дуть. // Во края плывемъ Асіи, // По восточнымъ мы валамъ: // Пристаю суда Россійски, // Къ Филиппинскимъ островамъ. // <...> // Къ намъ дары несутъ немалы, // Контайшинцы и Мунгалы, // Хинская стѣна дрожитъ: // Тамо мечъ Россійскій блещетъ. // Ужасенный Хинъ трепещетъ, // И въ Пекинъ отъ стѣнъ бѣжитъ. // Зыблется престоль подъ Ханомъ; // Огнь отъ сѣвера жестокъ, // И Россійскимъ Тамерланомъ, // Устрашаетъ весь востокъ». См.: Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений: в стихах и прозе: В 10 ч. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Ч. 2. С. 66.

⁴⁸ Тредиаковский В.К. Избранные произведения / [Вступ. статья и подготовка текста Л.И. Тимофеева; Примеч. Я.М. Строчкова; Редкол.: В.Н. Орлов (гл. ред.) и др.]. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. С. 131-132.

⁴⁹ Державин Г.Р. Стихотворения / [вступ. ст., подгот. текста и общ. ред. Д. Д. Благого]. Л.: Советский писатель, 1957. С. 90.

Державиным дома князя Г.А. Потемкина в «Описании торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила» (1791): «Наверху вокруг висящие хоры с перилами, которые обставлены драгоценными китайскими сосудами, и с двумя раззолоченными великими органами разделяют внимание и восторг усугубляют»⁵⁰. Здесь роскошные китайские украшения, такие как драгоценные китайские сосуды, являются также штрихом, подчеркивающим высокое положение хозяина. В стихотворении «Развалины» (1797) изображаются прелестные постройки (в Царском Селе) китайского стиля: «Тут был Эдем ее прелестный // Наполнен меж купин цветов, // Здесь тек под синий свод небесный // В купальню скрытый шум ручьев; // Здесь был театр, а тут качели, // Тут азиатских домик нег; // Тут на Парнасе музы пели, // Тут звери жили для утех»⁵¹. Китайская тема в этом проекте звучала как изысканная восточная фантазия. Встречается в произведениях Державина («Похвала комару», 1807) изображение китайцев, например, императора (Булдыхан) и чиновников (мандарины): «Мандарины вокруг с усами, // С черными сидят косами, // С лысым, блещущим челом. // Им рабы их на коленях // Подают там на ступенях // С насекомыми тьмы блюд». Богдыхан иронически показан гордым, высокомерным, деспотическим и заносчивым, а китайские чиновники (мандарины), комично и смешно нарисованны в деталях — фигур с усами, черными косами, лысой головой, — льстивыми, властными и безжалостными, что придает китайской теме иронический акцент. Так китайская тема встраивается в творчестве Державина начала XIX века в философскую проблематику. Хотя в целом ирония (как в стихотворении «Похвала комару») обращена к несовершенству человека вообще, а ироническое изображение древних китайцев — это часть общей картины человеческого мира. В геополитическом плане в произведениях Державина отношение к Китаю

⁵⁰ «Наверху вокругъ висящія хоры съ перилами, которыя обставлены драгоцѣнными Китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными великими органами, раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ». См.: Державин Г.Р. Сочинения Державина: В 9 т. / [С объясн. прим. и предисл. Я.К. Грота]. СПб: Имп. Акад. наук, 1864. Т. 1. С. 384.

⁵¹ Державин Г.Р. Стихотворения / [вступ. ст., подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого]. Л.: Советский писатель, 1957. С. 262.

выражает государственную точку зрения, а в образе Цинской империи видится важный сосед. Образ китайцев в работах Державина несет в себе как характерные черты эпохи, так и личный взгляд поэта.

В параграфе 2.5. «Екатерина II и ее отношение к Китаю» проанализировано восприятие Китая и китайской культуры русской императрицей и писательницей. Ее отличает любовь к изящным китайским вещам и уважение к традиционным китайским моральным ценностям. В период ее правления произведения китайского искусства стали пользоваться особой популярностью в России, тогда Китай понимался как экзотический мир. В XVIII веке китайский вкус прежде всего проявлялся в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве. Китайские кабинеты в Петергофе, китайские домики в Ораниенбауме и Царском Селе ярко демонстрируют интерес к Китаю. Императрица также ценила общечеловеческие ценности, характерные для традиционной китайской морали. В творчестве Екатерины II китайская тема упоминается, например, в «Сказке о царевице Февее» (1782). В этой истории демонстрируется сила высокой морали — человеколюбия или гуманности; изображен мудрый монарх (Тао Ао) из Китая, а также мудрый и верный министр. Другое упоминание — «Записки первой части» (1782), в которых сказано о увлечении Екатерины II, в духе западноевропейского Просвещения, классической китайской конфуцианской философией. По сути, здесь имеет место стереотипное представление европейцев о Китае (шинуазри). Однако в глазах Екатерины II как политика существует и другой Китай, имеющий более реальное значение. В своей переписке и отдельных высказываниях русская императрица считала Цинскую империю агрессивной, а китайцев — «гордыми» и «заносчивыми» («Я не умру без того, пока не выгоню Турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю»⁵²). Отношение императрицы к китайскому императору можно

⁵² «Я не умру безъ того, пока не выгоню Турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индїей не осную торговлю». См.: Державин Г.Р. Сочинения Державина: В 9 томах. / [С объясн. прим. и предисл. Я. Грота]. СПб: Имп. Акад. наук, 1864. Т. 1. С. 619.

увидеть в письме Екатерины II к принцу Шарлю де Линю: «В пекинской газете сказано, что мой китайский сосед с маленькими глазами, о котором вы так почетно отзываетесь, соблюдает с истинной примерной точностию все бесчисленные обряды, которым он подчинен»⁵³. Под образом узкоглазого китайца подразумевается император Цяньлун, и это — один из немногих фрагментов, показывающих недовольство Екатерины II конкретным китайским императором. Отношение императрицы к Китаю концентрирует противоречивость взглядов русских на Китай в ту эпоху.

В параграфе 2.6. **«Идеализированный образ Китая в русской журнальной литературе 70-х годов второй половины XVIII века. Тема торговли между Россией и Китаем»** рассмотрено представление о Китае как об идеальном государстве и затронута тема торговли. Это происходило под влиянием идей Просвещения (с середины XVIII века)⁵⁴, в течение всего правления Екатерины II, в дискуссиях о «просвещенном абсолютизме»⁵⁵, когда конфуцианство противопоставлялось Российской империи. В русской литературе образ Китая как идеализированного государства сформировался позже, чем в западноевропейской. Максимально близкое усвоение Россией западного канона китайской темы относится к эпохе Просвещения (с середины XVIII века)⁵⁶. Эта проблема была весьма актуальна в течение всего правления Екатерины II⁵⁷. В России «внутренние проблемы общественной жизни» во

⁵³ «Въ пекинской газетѣ сказано, что мой китайскій сосѣдь съ маленькими глазками, о которомъ вы такъ почетно отзываетесь, соблюдаетъ съ истинно примѣрной точностию всѣ безчисленные обряды, которымъ онъ подчиненъ». См.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. Т. 42. С. 125.

⁵⁴ См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. 862 с. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社,2006. С. 177-184.]

⁵⁵ Россия и Китай: четыре века взаимодействия / [Дипломатическая акад. МИД России; под ред. А.В. Лукина]. М.: Весь мир, 2013. С.105.

⁵⁶ См.: Чжоу Нин. Далекая Поднебесная империя. Образ Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. 862 с. [周宁.天朝遥远:西方的中国形象研究.北京:北京大学出版社,2006. С. 177-184.]

⁵⁷ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 548-549.

второй половине XVIII века «привели к тому, что китайская проблематика стала использоваться в идейной полемике, особенно в дискуссиях о “просвещенном абсолютизме”»⁵⁸. Фактически конфуцианство противопоставлялось «просвещенному абсолютизму» Российской империи. Идеализированный образ Китая в русской литературе был связан с социальной проблематикой. В образе идеализированного государя в русской литературе 1770-х годов подчеркиваются конфуцианские принципы — гуманность (человеколюбие) и мудрость. Такой образ можно встретить у Н.И. Новикова и китаевода А.Л. Леонтьева. Китайская тема здесь выступала в качестве оппозиции российскому абсолютизму, но опять же, не реальная китайская власть, а та, которая была представлена в конфуцианских трактатах. В трактате Н.И. Радищева «Письмо о китайском торге» (1792) роль китайско-российских отношений показана реалистично и убедительно. Труд Радищева подтверждает, что образ Китая в российском обществе в значительной мере утрачивает свой идеализированный смысл, начинает восприниматься предельно реалистично.

В третьей главе проанализирована **«Китайская тема в русской литературе первой половины XIX века»**, в произведениях А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского и И.А. Гончарова.

В параграфе 3. 1. **«Китай в творчестве А.С. Пушкина»** собраны упоминания китайских реалий в произведениях А.С. Пушкина. Ранние впечатления Пушкина о Китае усилились в лицейскую пору⁵⁹. Как пишет М.П. Алексеев, «впечатления от этого офранцузенного Китая должны были, несомненно, усилиться у Пушкина в обстановке китайщины “Царского села” в эпоху его лицейской жизни»⁶⁰. Восприятие Китая юным Пушкиным укладывается во французскую схему, и в его ранних произведениях образ

⁵⁸ Россия и Китай: четыре века взаимодействия / [Дипломатическая акад. МИД России; под ред. А.В. Лукина]. М.: Весь мир, 2013. С.105.

⁵⁹ См.: Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С. Пушкин и Сибирь. М.; И.: Востсибоблгиз, 1937. С. 115.

⁶⁰ Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С. Пушкин и Сибирь. М.; И.: Востсибоблгиз, 1937. С.115.

Китай обладает типичными чертами шинуазри. Описание архитектуры китайского стиля отмечается во стихотворении «Руслан и Людмила» (1820): «Приют покоя и прохлады, // Сквозь вечну зелень здесь и там // Мелькают светлые беседки»⁶¹. Личная жизнь играет очень важную роль в формировании впечатления Пушкина о Китае. Как отмечает М.П. Алексеев, прадед поэта Абрам Петрович Ганнибал был послан Петром Великим в Сибирь под предлогом «измерить Китайскую стену»⁶². Пушкин мог испытывать интерес к Китаю – и под влиянием соприкосновения с Востоком во время южной ссылки, а также дружбы с известным китаеведом Н.Я. Бичуриным и впечатлений от рассказов Ф.Ф. Вигеля. Пушкин написал стихотворение, в котором сообщает о своем желании поехать в Китай: «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья, // Куда б ни вздумали, готов за вами я // Повсюду следовать, надменной убегая: // К подножию ль стены далекого Китая»⁶³. Можно утверждать, что Пушкин стремился путешествовать, и Китай был в числе стран, которые он хотел посетить. Однако мы не вполне согласны с Чжан Тефу, считающим, что образ Китая воспринимался Пушкиным, как некое спокойное убежище⁶⁴. Возможно, как полагает М.П. Алексеев, Китай оставался предметом напряженных размышлений Пушкина (особенно в Болдинский период). Можно представить, что Китай на расстоянии вдохновлял поэтический гений Пушкина и был притягательным объектом литературного творчества.

Параграф 3. 2. посвящен восприятию «Китая в творчестве В.А. Жуковского». Элементы китайской культуры были частью повседневной жизни писателя и его размышлений, запечатлевались в текстах, входящих в его круг чтения, а также проникали в его собственные тексты. Вначале это было

⁶¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. / [ред. ком.: Максим Горький и др.]. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4. С. 31.

⁶² Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. Разыскания и материалы. М.: Наука, 1983. С. 47.

⁶³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. / [ред. ком.: Максим Горький и др.]. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3. К. 1. С. 191.

⁶⁴ См.: Чжан Тефу. Пушкин и Китай. Чанша: Юелу, 2000. С. 22-25 [张铁夫. 普希金和中国. 长沙: 岳麓出版社, 2000. С. 22-25.]

влияние шинуазри. В переписке Жуковского обнаруживается стихотворный комплимент китайскому чаю (в письме барону И.П. Черкасову от 29–30 июня 1808 года): «Где мы пред ярким огоньком, // С спокойствием дружества приятным, // За прародительским столом, // За чаем хинским, ароматным, // Ценили счастье и несчастье!»⁶⁵. Будучи воспитанником Университетского благородного пансиона, Жуковский сочинил и прочел на торжественном акте 1797 года стихотворение «Могущество, слава и благоденствие России», наследующее ломоносовской одической традиции: «Волнисту шерсть и шелк тончайший // Несет с востока оттоман; // Араб коней приводит быстрых, // В своих степях их укротив; // Китай фарфор и муск приносит; // Моголец шлет алмаз, рубин; // Йемен дарит свой кофе вкусный»⁶⁶. В числе покорных воле России народов, по мысли одописца, находится Китай, который «фарфор и муск приносит»⁶⁷. Это косвенное свидетельство знакомства поэта с шинуазри, что частично идет в разрез с русской поэтической традицией. Многочисленные конспекты Жуковского содержат преимущественно географические сведения о Китае, отличающиеся рационалистическим, сугубо научным подходом к описанию страны. Как и современники (например, князь В.Ф. Одоевский), зрелый Жуковский рассматривает Китай и его культуру в оппозиции к Европе. Критерием противопоставления становится динамика культуры, которая, по мысли романтически мыслящих историософов, в изобилии присутствует в Европе и не наблюдается в Поднебесной империи. В подготовленном в 1830 году конспекте Жуковский замечает: «Порода монгольская ознаменовала себя завоеваниями, но сии завоевания были одни разрушительные набеги, и История всех их может заключаться в пяти словах: явились, грабили, разрушили, убивали, исчезли. Между сими китайцы могут казаться исключением, но и их

⁶⁵ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [под ред. И. А. Айзикова и др.]. М.: Языки русской культуры, 2019. Т. 15. С. 64.

⁶⁶ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [под ред. И. А. Айзикова и др.]. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 33.

⁶⁷ Там же. С. 33.

образованность имеет печальный характер неподвижности»⁶⁸. С точки зрения европоцентрически и даже имперски мыслящего писателя только «кавказская», то есть европейская, культура доминирует среди цивилизаций⁶⁹. Позднее, в 1840-е годы, Жуковский становится на более консервативную позицию и изменяет свое отношение к китайскому традиционализму. В частном письме к своему бывшему воспитаннику, великому князю Александру Николаевичу, он поддерживает официальную позицию по недопущению европейских революций в Российской империи: «Россия сильна у себя и будет вдвое сильнее, когда все свое могущество устремит на свою внутренность, отгородив китайскою стеною себя от заразы внешней»⁷⁰. В переводе Жуковский находит сочувственные слова для восточного соседа России, ассимилировавшего монгольских завоевателей: «Китай, слишком прославленный и слишком униженный, представляющий нашим глазам разительное зрелище народа, покорившего своих победителей, остался неизменным среди разрушительного потока веков»⁷¹. Литературе придается особое значение: «<...> с поэзией китайцев мы совершенно еще незнакомы. Можно сказать, что поле восточной поэзии ожидает еще трудолюбивой руки, которая, обработав его, показала бы нам гений Востока во всем великолепии, ему принадлежащем, и тем расширила бы сферу наук словесных»⁷². Элементы китайской культуры являются актуальным культурным фоном на протяжении большей части творческого пути Жуковского и проникают как в оригинальные, так и в переводные тексты писателя. Китай в произведениях Жуковского перестает быть далеким и полусказочным экзотическим соседом Российской империи или исключительно поставщиком предметов роскоши, а представляет собой страну с древней цивилизацией и процветающей культурой, что позволяет себе

⁶⁸ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [под ред. И. А. Айзикова и др.]. М.: Языки русской культуры, 2016. Т. 11. К. 1. С. 590.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 406.

⁷¹ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [под ред. И.А. Айзикова и др.]. М.: Языки русской культуры, 2014. Т. 10. К. 2. С. 420.

⁷² Там же. С. 427.

выжить в унижении ассимилировавшего монгольских завоевателей. Китай же входит в область его педагогических интересов, когда речь идет об истории и географии.

Параграф 3.3. «Князь В.Ф. Одоевский и китайская тема в романе «4338-й год: Петербургские письма»» посвящен анализу образа Китая у Одоевского. Одоевский, по-видимому, один из первых авторов в мировой литературе, который обращается к образу Китая в рамках жанра утопии, а также прочно связывает образ Срединного государства с Россией. Конструирование будущего своего государства, достигающего вершины развития благодаря научно-техническому прогрессу, распространена в европейских литературах XVIII–XIX веков⁷³. Нельзя не учитывать влияние синоведа Н.Я. Бичурина, которое, по-видимому, приводит к изменению первоначального замысла романа. Образ Китая в романе «4338-й год» на первый взгляд выглядит вторичным по отношению к образу русской цивилизации пятого тысячелетия. Такое положение в структуре художественного текста во многом предопределено жанром путешествия, сюжет о котором изложен в эпистолярной форме от лица китайца. Изображение Поднебесной у Одоевского формируется благодаря сложной системе образов и мотивов, характеризующих уровень просвещения, образа жизни и этикета Китая. Первый аспект образа Китая – характер просвещения – связан с утопическим изображением политической географии будущего. Китай в романе изображен как единственная страна, которая приближается по уровню научно-технического прогресса к России. Земной шар к тому времени поделен на две «полупланеты». Китай в романе Одоевского возникает «от противного», изображаясь по принципу контраста с Россией пятого тысячелетия. Будущая Россия – страна с тысячелетним просвещением, а Китай является молодой страной, пробужденной ее лидером Хун-Гин от «векового усыпления»⁷⁴. Еще

⁷³ См.: Одоевский В.Ф. Романтические повести / [Предисл., вступ. статья и редакция Ореста Цехновицера]. Ленинград: Прибой, 1929. С. 19.

⁷⁴ Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 422.

одно существенное для автора различие между Россией и Китаем, – в образе жизни. Срединная империя идет по пути русификации, упразднения традиционной китайской науки и религии и введения европейских наук и христианства⁷⁵. Однако успехи просвещения, по-видимому, не столь значительны, и поэтому Китай отстает, что проявляется в том числе в столичном быту. Так, убранство пекинских домов выглядит скромнее петербургского: «Ночью, как дома освещены внутри, эти блестящие ряды кровель представляют волшебный вид; сверх того, сие обыкновение очень полезно, – не так, как у нас, в Пекине, где ночью сверху никак не узнаешь дома своего знакомого, надобно спускаться на землю»⁷⁶. Третий аспект сопоставления Петербурга и Пекина – этикет. Китайцы более сдержанны, в них нет светскости, что интерпретируется как следствие отсталости. С точки зрения автора, свобода обращения происходит из уверенности в себе, а это качество человеку дают знания (русские «верят в силу науки и в собственную бодрость духа»⁷⁷). Возможно, Одоевский пытается найти ответ на вопрос о противоречиях в развитии науки и общества при конструировании футурологического сценария, содержащего идеальную модель устройства науки⁷⁸. Изображение Китая в романе Одоевского представляет собой трансформированный в рамках жанра утопии традиционный образ далекой и специфической в культурном отношении цивилизации. В воспроизведении китайской темы Одоевским отмечается новое и традиционное. Образ Китая не отделим от образа Китая как архаической деспотии, но китайцы стали более открытыми, жаждущими знаний.

В параграфе 3.4. «Китай в очерках И.А. Гончарова “Фрегат “Паллада”» анализируется осмысление китайских реалий в книге «Фрегат “Паллада”». Гончаров обращает внимание на различные аспекты китайской жизни — внешность китайцев, их одежду, манеры и духовное состояние,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 420-421.

⁷⁷ Там же. С. 420.

⁷⁸ См.: Пирожкова С.В. Идеал цельного знания как принцип устройства науки и общества: взгляд в 4338 г. из начала XXI века // VOX. Философский журнал, 2020. Т. 15. № 28. С. 1-19.

условия жизни, природу, городской пейзаж, экзотику, культуру, архитектуру, садово-парковое искусство, исторические события, кухню, обряд погребения, религию, ремесленное искусство и прочее. Наблюдения писателя стали свидетельствами реальных жизненных ситуаций, позволяющих реконструировать многогранный образ Китая середины XIX века. Китайцы, с которыми Гончаров встречался, были преимущественно бедными. Например, на острове Ява Гончаров увидел китайцев в деревне — «сначала ребятишек с полуобритой головой, потом старух с целым стогом волос на голове, поддерживаемых большою бронзовою булавкой»⁷⁹. В Гонконге первое, что бросалось в глаза — носильщики и продавцы. Там китайцы «одни бестрепетно наполняют улицы, сидят кучами у подъездов, ожидая работы, носят в паланкинах европейцев. Всюду мелькают их голые плечи, спины, ноги и головы, покрытые только густо сложенной в два ряда косой»⁸⁰. Помимо бедности, Гончаров замечает деятельную натуру китайцев. Он подчеркивает постоянную смену картин, движение и неуспокоенность: «Китайцы — живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь»⁸¹. Гончаров уделял внимание условиям жизни простых китайцев, отмечал тяжелый труд носильщиков под палящим солнцем, «когда дышишь будто огнем»⁸². Он писал о китайских селах и рынках, о жизненных сценах на улицах Шанхая и о жизни китайцев, живших под колониальным правлением, «под присмотром англичан», когда они «упаковывают и распаковывают тюки, складывают в груды и несут на лодки, а лодки везут к кораблям»⁸³. По мнению писателя, беда китайского народа заключается не столько в материальном неблагополучии, сколько в подчиненности. Об этом Гончаров пишет с явным сочувствием к китайцам: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать: не китайцы ли англичан своею

⁷⁹ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [подгот. Т. И. Орнатская]. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 250.

⁸⁰ Там же. С. 287.

⁸¹ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [подгот. Т. И. Орнатская]. СПб.: Наука. Т. 2. С. 408.

⁸² Там же. С. 277.

⁸³ Там же. С. 287.

вежливостью, кротостью, да и умением торговать тоже»⁸⁴. Гончаров также остро осознал слабость позднего цинского правительства, борющегося с гнетом империализма: «Китайское правительство имеет право осматривать товар на судах только тогда, когда уверено, что найдет его там»⁸⁵. Однако Гончаров, как полагает китайский ученый Гао Жунго, в дополнение к своему чувству справедливости, больше придерживается официальной позиции⁸⁶. Размышляя о судьбе Китая, Гончаров делает вывод, что единственный выход для тогдашнего Китая — это сблизиться с западным миром и принять христианскую цивилизацию, потому что старый строй «еще менее подает надежды на возрождение сам собой»⁸⁷. Гао Жунго полагает, что такая точка зрения основана на позиции Гончарова как западника⁸⁸. Благодаря описаниям Гончарова китайской жизни, в разных ее аспектах, фиксируется характер китайцев позднего периода династии Цин. Они умны и трудолюбивы, любят уметь трудиться, проявляя в работе тщательность и изобретательность. Гончаров оценивает китайцев как «живой и деятельный народ»⁸⁹: он «смирнен, скромен и очень опрятен»⁹⁰. Вместе с тем писатель упоминает о равнодушии, эгоизме, педантичности и догматизме китайцев (случай, когда старик и мальчик упали в воду, но это вызвало лишь любопытство у публики на берегу, вместо быстрой помощи тонущим⁹¹). Стоит отметить, что отношение Гончарова к китайцам в ходе путешествия несколько изменилось, акцент внимания смещался от внешности к ментальности, культуре и к глубокому размышлению

⁸⁴ Там же. С. 430.

⁸⁵ Там же. С. 431—432.

⁸⁶ Гао Жунго. Непонимание и предубеждение: изучение образа Китая во «Фрегате “Паллада”» // *Общественные науки*, 2017. № (07). С. 184-191. [高荣国. 误读与偏见: «巴拉达号三桅战舰» 中的中国形象研究. *社会科学*, 2017. № (07). С. 184—191.]

⁸⁷ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [подгот. Т. И. Орнатская]. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 602.

⁸⁸ См.: Гао Жунго. Непонимание и предубеждение: изучение образа Китая во «Фрегате “Паллада”» // *Общественные науки*, 2017. № (07). С. 184-191. [高荣国. 误读与偏见: «巴拉达号三桅战舰» 中的中国形象研究. *社会科学*, 2017. № (07). С. 190.]

⁸⁹ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [подгот. Т. И. Орнатская]. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 412.

⁹⁰ Там же. С. 408.

⁹¹ Там же. С. 438.

о судьбе этой древней цивилизации. Мы согласны с китайскими учеными, что образ Китая в очерках Гончарова формировался в три этапа: Китай в воображении, Китай в реалиях и Китай во впечатлениях⁹². Китай в очерках Гончарова — цивилизация древняя, но слабая, истощенная и одряхлевшая, а китайцы — умные, трудолюбивые, скромные, даже послушные, вежливые, уважительные, терпеливые и выносливые, реалистичные и прагматичные, но они жалкие, равнодушные, вялые и педантичные. Писатель отмечал умение китайцев торговать, однако тут же и критиковал их стремление к торгашеству, упоминая о высокой плате за ведение судна «Конфуций» в Шанхай, и излишнюю педантичность в науке: «В науке и искусстве отразилась та же мелочность и неподвижность»⁹³. Итак, в представлениях Гончарова о Китае и китайцах можно ощутить некоторое противоречие. Глубокое сочувствие к предсказуемой трагической судьбе китайского народа позднего Цина проявляется у Гончарова как у гуманиста. И одновременно, видимо, за этими простыми и искренними чувствами скрывается некая идеология (например, евроцентризм и имперскость⁹⁴). В произведении Гончарова «Фрегат “Паллада”» изображается самодостаточный образ Китая. В очерках Гончарова воссозданы массовые портреты китайцев поздней Цина, чего не было в предыдущих работах о Китае у других авторов. Описания китайской культуры, традиций, обычаев, нравов, искусства, а также социальной реальности в эпоху поздней династии Цин стали ценными историческими свидетельствами, тем не менее эмоционально трансформированными в воображении писателя. Важно, что во «Фрегате Паллада» отмечаются моменты сближения китайской и русской жизни, а также китайской и английской. Гончаров ищет кросс-культурные переключки и находит их, что свидетельствует о желании писателя не столько

⁹² См.: Гао Жунго, Лю Яи, Позднякова А. А. Размышления о государственном имидже Китая в книге очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Преподаватель XXI век, 2019. № 3-2. С. 275—288.

⁹³ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / [подгот. Т. И. Орнатская]. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. С. 603.

⁹⁴ См.: Bojanowska E. A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 374 с.

провести границы между мирами и культурами, сколько видеть почву для сближения.

Заключение

Образ Китая в русской литературе неразрывно связан с понятием «другого». В нем переплетаются как прочно укоренившиеся стереотипы – «китайская мудрость», «неисчислимы богатства» и «идеализированное государство», так и уникальные коннотации, порожденные особой траекторией российско-китайских отношений и глубокими историко-культурными связями. Этот многогранный образ, подобно живому организму, трансформируется, отражая смену эпох, культурных парадигм и идеологических течений.

Издавна для русских Китай открывался через два главных источника: опосредованный другими народами и прямой. В первом случае ключевую роль исполняли европейцы (вестернизация). С петровской эпохи китайские познания, добытые вследствие непосредственных контактов, таких как торговля и миссионерские труды, составили иной род знания о Поднебесной для русских, что развивало в стране китаеведение, повлиявшее на русский образ Китая.

Стереотипы о Китае, окрашенные европейским влиянием, оставили заметный след в русской литературе XVIII — первой половины XIX века (уважительная метафора «китайского ума» сопровождалась эпитетами «дикий»⁹⁵ и «странный»)⁹⁶. Именно в таком ореоле загадочности и экзотики предстает «китайский ум» в творчестве Кантемира или Ломоносова.

Европейская вестернизация и мода на всё китайское охватила едва ли не все сферы искусства и культуры. Эта тенденция преобразила Китай в глазах русских, особенно в XVIII веке, в некий фетиш. Заимствования коснулись как китайского стиля в архитектуре, живописи, садово-парковом искусстве и

⁹⁵ Цао Сюэмэй, Дефье О.В. Образ и мотивы “китайского ума” в произведениях русских писателей XVIII века // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 112.

⁹⁶ Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / [Вступ. статья Ф. Я. Приймы]; [Подготовка текста и примеч. З.И. Гершковича]. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. С. 149.

интерьерах, так и восхищения тончайшим мастерством китайских мастеров. Созданные ими предметы стали синонимами изысканности и роскоши, возвеличивая своего владельца, сигнализируя о его высоком социальном статусе. Особенно яркий расцвет «китайщина» пережила в произведениях екатерининской эпохи, когда тонкая экзотика стала неотъемлемой частью светской жизни.

Образ Китая как «другого» наиболее ярко проявлялся в представлении о его нравственном совершенстве. Идея Китая как идеального государства стала популярной в екатерининскую эпоху, во многом благодаря прославлению китайской философии, в частности конфуцианства, что отражено в сочинениях Екатерины II. Однако идеализированный образ просвещенного правителя активно использовался и для критики авторитаризма. По сути, это было представление о своего рода утопическом социальном и культурном «другом», служащем контрастом существующей социальной реальности.

В XIX веке образ Китая избавляется от условности. Устаревшие, излишне политизированные или чисто географические трактовки уступили место более глубокому пониманию. Китай перестает быть страной просто далекой и сказочно экзотической, но ассоциируется и с понятием тихого приюта любви в произведениях Пушкина («К Наталье», 1813)⁹⁷. Китай входит в область педагогических интересов у Жуковского и Одоевского, и даже сохранив определенную условность деспотического государства в романе Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» показан как вполне открытая страна.

В книге «Фрегат “Паллада”» Гончаров одним из первых в русской традиции представляет Китай как самодостаточную цивилизацию. Образ Китая у писателя противоречив. С одной стороны, он восхищался богатым наследием китайской цивилизации и трудолюбием ее жителей. С другой, следуя господствовавшему в российской интеллектуальной элите XIX века европоцентризму, Гончаров изображал Китай эпохи поздней Цин как

⁹⁷ См.: Чжан Тефу. Пушкин и Китай. Чанша: Юелу, 2000. С. 22-25 [张铁夫.普希金和中国.长沙:岳麓出版社, 2000. С. 22-25.]

застойную империю, обреченную на упадок и ожидающую пробуждения через другую цивилизацию. Однако, занимая официальную позицию, писатель допускал и политические заблуждения. Особое внимание автор уделяет моментам, где прослеживаются параллели между китайской и русской, а также китайской и английской реальностью. Гончаров выходит за рамки простого создания обособленного образа Поднебесной, активно исследуя кросс-культурные взаимосвязи. Это свидетельствует о его намерении не столько разграничивать миры и культуры, сколько находить точки соприкосновения и потенциал для взаимопонимания.

Образ китайцев в русской литературе претерпел заметную эволюцию. В ранних произведениях они часто представляли как носители мудрости. Русская литература того периода, в частности, породила образы китайского императора – заносчивого деспота, и чиновников – льстивых, властных и безжалостных (Державин). Значительно более глубокие и живые портреты китайцев создал Гончаров. Его герои, несмотря на бедность, полны энергии: они скромны, трудолюбивы и деятельны. В своих очерках Гончарову удалось воссоздать различные образы китайцев поздней Цин (дамы и франты, торговцы, приказчики, нищие, ремесленники, носильщики, курильщики опиума, миссионеры и др.). Это было новаторским для того времени и отличалось от предыдущих изображений Китая.

С развитием политических и экономических отношений, а также культурных обменов между странами, образ Китая и изображения китайцев становились все более конкретными, теряли свою условность и экзотичность, приобретая живость и ясность.

Список публикаций по теме диссертации

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Мэй Цзяцзя. Китай и китайцы в интерпретации А. С. Пушкина. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 07/2. – С. 93–96. EDN: XLTCFK. Импакт-фактор 0,187 (РИНЦ). 0,47 п.л.
2. Мэй Цзяцзя. Изображение Китая в романе В.Ф. Одоевского «4338-й год» // Казанская наука. – 2022. – № 12. – С. 20–23. EDN: OEONBK. Импакт-фактор 0,200 (РИНЦ). 0,405 п.л.
3. Мэй Цзяцзя. К проблеме изображения Китая в творчестве В.А. Жуковского // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 375–378. EDN: EYZWPI. Импакт-фактор 0,807 (РИНЦ). 0,656 п.л.
4. Мэй Цзяцзя. Образ Китая в произведениях князя А.Д. Кантемира // Казанская наука. – 2023. – № 3. – С. 10–13. EDN: VANXYW. Импакт-фактор 0,200 (РИНЦ). 0,361 п.л.